

ЛЯМАН БАГИРОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

В прошлом те, кого любишь, не умирают!

*Когда теряет равновесие
твоё сознание усталое...*

*Лучше поклоняться данности
с убогими её мерилami,
которые потом до крайности,
послужат для тебя перилами...
И.Бродский*

Не знаю, как другие, а я сама себе все чаще напоминаю старичка-хранителя музея из фильма «Белое солнце пустыни». Того самого, что с пеной у рта доказывал, что охраняет народное достояние и исторические ценности, и которого быстро застрелил Абдулла. Ну, чтобы не мешал серьезным людям своей болтовней.

К печальному исходу хранителя музея я совершенно не стремлюсь. Но события последнего времени больше удручают, чем окрыляют. Коронавирус, (кажется, он на какое-то время станет неизменным спутником нашей жизни. Не скажу, что навсегда, этого никто не знает, но несколько лет – скорее всего), вопли о вакцинации, потопаы, пожары, нестабильная обстановка в мире и удушающая липкая жара. Засыпаешь с мыслью: «День прожит, и слава Богу», и просыпаешься с ней же: «Дай Бог прожить тихо и мирно». Боишься порой и компьютер открыть, новостную ленту прочитать: то этот умер, то тот при смерти, то там что-то взорвали, то сям что-то захватили. Негатив парализует волю и разум, оставляя царствовать страх. Обыкновенный животный страх, глубинный и безразмерный, с помощью которого так легко управлять людьми. То есть сознательно ограничивать взрослых совершеннолетних, разумных и порядочных людей в свободе. За что?.. Во имя чего?

***Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.***

Так и хочется воскликнуть вслед за Пушкиным: «Это про меня! Я тоже хочу в побег! В обитель дальнюю и желательную прохладную!»

Но побег по нынешним временам возможен в основном лишь виртуальный. Да и в память. Там хоть не надо надевать маску, предъявлять справку о вакцинации и делать ПЦР-тесты. Там ты свободен той единственной тонкой душевной свободой, из которой ткется счастье. Жаль только, что ты оцениваешь выделку, прочность и краски этой ткани уже после готовности. Хорошо бы ценить ее еще на ткацком станке.

Имя моего нынешнего героя вспомнят сейчас разве только, когда заговорят о поэтах-лицеистах. Того самого знаменитого первого пушкинского выпуска, о котором поэт писал в стихотворении «19 октября»:

***Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.***

***Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.***

К другу Пушкина – Антону Дельвигу, слова «как душа, неразделим и вечен» относились более чем к кому-либо другому. Именно о нем, белокуром увальне, которого из-за неторопливости и нерасторопности дразнили почему-то прозвищем «Лень-Тоси», Пушкин написал потом, полные тоски и боли строки:

«Никто на свете не был мне ближе Дельвига». «Помимо его прекрасного таланта, это была отлично устроенная голова и душа склада необычного. Он был лучший из нас».

Антон Антонович Дельвиг – представитель старинного, но вконец обедневшего рода. Его предки были баронами, перебравшимися в Россию из Прибалтики. Антон родился в Москве 6 августа (по старому стилю) и 17 августа (по новому) 1798 года. Жалованья отца, отставного генерал-майора, с трудом хватало на жизнь. Мать Любовь Красильникова была внучкой астронома Андрея Красильникова.

Родители отдали мальчика на обучение в частный пансион. И там маленький Антон обратил на себя внимание любовью и незаурядными способностями к древним языкам и литературе. Учителя в один голос советовали родителям отправить ребенка в недавно открывшийся Царскосельский лицей.

Антону было 13 лет. На фоне своих порывистых и subtilных сверстников он был неуклюжим, полным, рыхлым, да к тому же тугодумом в точных науках. От педагогов ему немало доставалось за его медлительность.

Но как только доходило до литературы, подросток волшебным образом преображался! Он даже становился выше ростом, вдохновенным, порывистым! Цитировал классиков на языке оригинала, еще не вполне зная его, и, конечно, писал стихи. А рассказы его завораживали богатой фантазией. Но как только вдохновение слетало с него, он превращался в прежнего тугодума-увальня. Валялся в постели, бродил по парку вблизи лицея, читал запоем любимые книги.

После окончания лицея Дельвиг поступил служащим в департамент горных и соляных дел, а спустя некоторое время оказался сотрудником канцелярии министерства финансов. Трудно было придумать более неподходящую должность для наперсника муз, вечно витающего в облаках Антона. Не то что любви, а даже малейшей тяги он к работе не питал. А поручения начальства исполнял так медленно, что нередко получал нагоняй от начальства. Но его, кажется, это не очень волновало. Ум и душа его были заняты поэзией. Ею он был богат и счастлив:

***Когда я в хижине моей
Согрет под стеганым халатом,
Не только графов и князей –
Султана не признаю братом!*** («Моя хижина», 1818)

Дельвиг мечтал о переводе на другую службу, посылал прошение за прошением на имя Алексея Николаевича Оленина, директора Императорской публичной библиотеки. В 1820-м его просьбы были услышаны: поэта приняли на службу помощником библиотечкаря. Но и здесь Антон относился к службе своеобразно. В типичном дельвиговском духе. Вместо того, чтобы составлять описание книг и заносить их в каталог, поэт вдумчиво читал их от корки до корки. Предлог для увольнения нашли быстро. Дельвиг навестил в Михайловском своего лицейского друга, опального Пушкина. Увольнение последовало незамедлительно.

***В судьбу я верю с юных лет,
Ее внушениям покорный,
Не выбрал я стези придворной,
Не полюбил я эполет
(Наряда юности задорной),
Но увлечен был мыслью вздорной,
Мне объявившей: ты поэт.***

Дельвиг сменил несколько ведомств, но везде пришелся не ко двору. «Мысль вздорная» (а может, божественный глас), объявившая ему: ты – поэт, мешала сделать блестящую карьеру и стать респектабельным обычным человеком.

Антон Антонович Дельвиг не оставил большого литературного наследия – оно насчитывает около 170 стихотворений, но некоторые его стихи обрели бессмертие. Изумительный романс Алябьева «Соловей» написан на стихи Антона Дельвига. А песня, которая давно считается народной «Ах, ты, ночь ли, ноченька», на самом деле романс Михаила Глинки на стихи Дельвига.

Но, помимо литературного, у барона Дельвига был истинный дар книгоиздателя. В 1819 году с друзьями Александром Пушкиным, Вильгельмом Кюхельбекером и Евгением Баратынским он создал дружеское объединение «Союз поэтов».

Потом начал издавать альманах «Северные цветы». Проявлял недюжинные организаторские способности, привлекая к сотрудничеству авторов из двух столиц. Дельвиг обладал какой-то особенной деликатностью души и удивительным чутьем на таланты. «Пусть добрым будет ум у вас, а сердце умным будет», – эти слова словно были произнесены феями над колыбелью Дельвига, и он полностью оправдал их своей короткой жизнью.

Следующим альманахом, выпускаемым Дельвигом, стал «Подснежник». Но все это были подступы к главному делу его жизни – «Литературной газете». Она была основана в 1830 году при поддержке Пушкина и Петра Вяземского.

Газета пользовалась огромным спросом, но в 1831 году отношения Дельвига с цензурой накалились до предела, и издание газеты было приостановлено. Возобновлено оно было лишь после смерти Антона Антоновича, но газета просуществовала считанные месяцы. С 1840 года под таким же названием выходила другая газета под редакцией А.Краевского.

Есть хорошее определение – «нешумной славы человек». Дельвиг был именно таким. Нешумным. Деликатным. Мягким, участливым. Но при этом ясно оценивающим собственные возможности и следующим своей дорогой. Он дружил со многими декабристами, его живо интересовала судьба альманаха «Полярная звезда».

Но при этом предпочитал оставаться на расстоянии от бурных событий. Каждому своя доля и свой путь.

Звезды были благосклонны к нему. Личная жизнь сложилась удачно. Ну, или ее можно было считать удачной...

Его женой стала очаровательная Софья Салтыкова, дочь тайного советника. В Софью был влюблен и сватался к ней декабрист Петр Каховский, но получил отказ.

Осенью 1825 года Софья Михайловна вышла замуж за барона Антона Дельвига. Жениху было 27, невесте 19 лет.

Оба были молоды, хороши собой, оба любили литературу и искусство. Их дом вскоре стал литературным салоном, гостями которого были многие известные люди того времени. Привлекали их радушие и талант хозяина и очаровательность хозяйки. Она играла на фортепиано, исполняла современные романсы и была, по общему мнению, украшением дома.

Но при всем своем очаровании Софья Михайловна была отчаянной ветреницей и нередко давала мужу повод для ревности.

Злые языки поговаривали, что она вышла замуж за Дельвига только из-за его титула, что вообще не умела любить, была так же холодна, как и красива, и что ни казнь Петра Каховского, ни трогательные письма и стихи будущего мужа не вызывали в ней никакого чувства.

***Не говори: любовь пройдет,
О том забыть твой друг желает;
В ее он вечность упоает,
Ей в жертву счастье отдает.***

«Завтра, надеюсь, увидеть вас и поблагодарить за драгоценное внимание ваше к человеку, для которого вы все и который называется обожающим вас Дельвигом» (из письма Дельвига к невесте).

Он очень любил жену. В их союзе появилась единственная дочь Елизавета Антоновна, обожаемая отцом.

Но дни Антона Дельвига, «милого увальня, засони» и чрезвычайно доброго, талантливого и деликатного человека, были уже сочтены.

На закрытие «Литературной газеты» повлияли доносы писателя и журналиста Фаддея Булгарина. Шеф жандармов Александр Бенкендорф грозил ссылкой в Сибирь: в газете публиковались стихи опальных литераторов: Пушкина, Кюхельбекера, Бестужева.

Дельвиг начал часто болеть. Как сказали бы сейчас – впал в депрессию. И тиф или, как говорили раньше, гнилая горячка свела его в могилу в 32 года.

Софья Михайловна недолго носила траурные плерезы, через полгода вышла замуж за брата поэта Баратынского – врача Сергея Баратынского. И во втором браке было то же самое – кокетство, измены, ранняя смерть мужа.

«Это прямо-таки какая-то роковая женщина – все, кто любил ее, умирали», – так характеризовал Софью Салтыкову один из современников.

Умерла она по тем временам глубокой старухой в 1888 году, пережив и единственного сына (от второго брака), и третьего мужа.

***За что страдать?
Что мне в любви
Досталось от небес жестоких
Без горьких слез, без ран глубоких,
Без утомительной тоски?
Любви дни краткие даны,
Но мне не зреть ее остылой;
Я с ней умру, как звук унылый
Внезапно порванной струны.***

Кончина друга потрясла его друзей, в особенности Пушкина. В его письмах, стихах и прозе звучит крик боли: «...Вот первая смерть, мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе Дельвига...», «Он был лучший из нас...», «Он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!», «Дельвиг... говаривал: Чем ближе к небу, тем холоднее...», «Доброго Дельвига нет...».

Но поэты не случайно наделены тоскливым даром предчувствия. В 1831 году, через 9 месяцев после ухода Дельвига, Пушкин пишет стихотворение:

***И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,***

**Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.**

Пророчество сбылось. Следующим после Дельвига в обитель «без слез и страданий» ушел Александр Пушкин.

В окончательной редакции этих строк после слов «за мной» было многоточие. «И мнится, очередь за мной...».

Поэт будто взял паузу перед тем, как посмотреть в глаза вечности. Но в последующих академических изданиях многоточие было заменено на более оптимистичную запятую.

А Вечность запомнила паузу многоточия и поманила Пушкина к себе ровно через 6 лет после его лицейского друга.

Могила барона Антона Антоновича Дельвига находится на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры в Некрополе мастеров искусств. Светлым июльским днем 2019 года я с дочерью и подругой стояли у мраморного пилона, увенчанного фигурой ангела. Ангел был грустный, да и странно было бы ожидать чего-то радостного в таком месте.

Но, видит Бог, сейчас даже эти задумчивые прогулки вспоминаются с умилением, с тихой нежностью. Как много изменилось всего лишь за два года, как много стало недоступно. Или труднодоступно.

И все же я благодарна Судьбе, что, прежде чем обрушить на голову человечества глобальную беду под названием карантин и коронавирус, она позволила побыть в Питере. И запечатлеть его в своем сердце. Хорошо, когда можно путешествовать в памяти. Ее-то хоть не ограничить. Надеюсь...

**Комплекс Антигоны
или
волны Фонтанного дома**

*Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.
А пред смертью подобрела
И впервые пожалела
И вздохнула: «Ах, года!
Вот и внучка молода».
И, противши нрав мой вздорный,
Завещала перстень черный.
Так сказала: «Он по ней,
С ним ей будет веселей».*

А.Ахматова

Ни для кого не секрет, что у вещей и домов, как и у людей, есть энергетика.

Дом-музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме в Петербурге произвел на меня неоднозначное впечатление. Дом словно колыхался в волнах неведомого моря. И так же плыл, колыхался в его стенах густой низкий голос Ахматовой. Запись ее голоса раздавалась из динамиков, установленных по периметру дома. Но ощущение было

гипнотическим и немного страшным. Волны моря под названием «Былое» расступались, и все отчетливее выступал сквозь них царственный облик Хозяйки...

Говорили, что эта женщина владела трагическим даром предвидения. Она предсказала расстрел первого мужа, гибель второго, годы заключения в лагерях единственного сына и суд, на котором ее саму уничтожат как поэта.

Второй муж называл ее Акумой. В переводе с японского это означает «нечистая сила».

Анна Ахматова. Загадочная муза российской поэзии. На пальце она всегда носила крупный бабушкин перстень, верила, что он оберегает ее от несчастий. Но однажды она сняла его. Это случилось в 1916 году. В том же году перстень вывезли из России, и жизнь Анны Ахматовой коренным образом изменилась.

В детстве она считала себя русалкой и ведьмой. Называла потомком Чингисхана по линии предка хана Ахмата. А в 15 лет напороочила себе вечное одиночество. А, может, и навлекла его.

Прошли годы, и пророчество сбылось. Она прожила долгих 77 лет, и всех, кто осмеливался любить эту женщину, ожидали несчастья и преждевременная смерть.

В 15 лет одесситка по рождению Аня Горенко впервые влюбилась. И когда не получила ответа, хотела покончить с собой. Тогда она с семьей жила в Царском Селе и именно там познакомилась со своим будущим мужем Николаем Гумилевым.

Он влюбился сразу, впервые увидев ее хрупкую, с огромными глазами. В то время Аня Горенко писала сентиментальные стихи и страдала от неразделенной любви, поэтому влюбленного Гумилева просто не замечала.

Гумилев меланхолично вздыхал и заглядывал в глаза. Ее это только раздражало. Четыре предложения руки и сердца, шесть долгих лет ожидания. Тщетно...

Все эти годы ее избранником был студент Петербургского университета, который преподавал Ане французский язык. Молчаливый, неулыбчивый парень, который был старше нее на семь лет. Он не обращал никакого внимания на влюбленную девушку.

Она росла в очень недружной семье. Была одной из шести детей инженера морского флота, инженера Андрея Горенко.

Она всегда, с самого раннего детства была предоставлена самой себе. Недаром Ахматова говорила о себе «дикая девочка».

«Я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т.д., бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма и загорала до того, что сдирали кожа, и всем этим шокировала провинциальных сева-стопольских барышень».

Но именно отцу, который был для нее идеалом, эта «дикая девочка» однажды решилась показать свои первые стихи. Она так хотела его одобрения.

Но Андрей Горенко был категоричен. Сказал Ане: «Никому больше не показывай эти стихи. Не позорь семью. Поэтесса из тебя не получится».

Обиду на отца она сохранила на всю жизнь. А вот писать стихи не перестала. Только спряталась за псевдонимом. Взяла себе фамилию прабабушки княжны Ахматовой, прославилась на весь мир, но под ней и погубила свою жизнь.

О ком шла речь в стихах дочери, Андрей Горенко догадался сразу, и преподавателя французского языка уволили от греха подальше. Она хотела наложить на себя руки. Но остановило известие. От безвыходности Николай Гумилев сам решил покончить с собой. После очередного отказа поэт решил, что его жизнь потеряла смысл. Две попытки самоубийства. К счастью, безуспешные. Горе-самоубийцу каждый раз спасали.

Но все без толку. Аня была слишком занята собой и тосковала по учителю. К несчастному Гумилеву она чувствовала нечто вроде уважения и нежности. И неизвестно, как бы дальше разворачивались отношения.

Неожиданно для всех Андрей Горенко бросил жену и детей. Вскоре он женился на любовнице. И пораженная Аня узнала: ее отец всю жизнь изменял матери. Он дарил свою любовь многим женщинам. Лишены ее были только его жена и дети.

Именно тогда Аня Горенко, для которой в одночасье рухнул мир, надела на палец черный бабушкин перстень. Отныне он будет защищать ее, как оберег. Тогда же, в миг отчаяния, Аня написала письмо Гумилеву.

Они не виделись четыре года, но Гумилев, бросив буквально все, примчался на это письмо, потому что Аня вдруг согласилась стать его женой. Она сказала ему: «Не люблю, но замуж пойду. Пусть будет, как будет».

Словно уже дала себе установку: эти отношения не будут легкими и уж, конечно, не будут счастливыми.

«Из логова змиева, из города Киева /Я взял не жену, а колдунью/ А думал – забавницу...» – так писал Гумилев после свадьбы. А она колко ответила ему в стихах:

***На руке его много блестящих колец,
Покоренных им девичьих нежных сердец,
Но на бледной руке нет кольца моего:
Никому, никогда не отдам я его.***

Гумилев с трудом сдержал себя, а жене сказал:

«Может, тебе лучше танцевать? Ты гибкая».

Это оскорбило ее сильнее слов, брошенных отцом. Гумилев не хотел, чтобы она писала. Ее реакция была страшной, она перевернула все вверх дном в доме.

С тех пор жизнь Ахматовой и Гумилева превратилась в поле битвы. В этой борьбе они уничтожили и без того хрупкие чувства, объединявшие их союз.

Это случилось в одном из парижских кафе. Гумилев отвел Аню за столик и отошел на несколько минут.

За столиком напротив ее дерзко рассматривал незнакомец. Взгляд был гипнотическим, манящим. И вдруг Аня, не обращая внимания на приличия и запреты, сама подседа за столик к незнакомцу.

В кафе воцарилась тишина. Бедный Гумилев не верил своим глазам. Отказывался верить.

Этот случай вскоре обсуждал весь Париж. Потому что вскоре незнакомец из кафе стал первым любовником молодой Ахматовой. Его звали Амедео Модильяни.

Сегодня картины этого художника оценивают в десятки миллионов евро. При жизни же Модильяни едва сводил концы с концами. Денег у него никогда не было. Но это не помешало ему в любви. Женщины обожали его: дамы из высшего общества и простолюдинки. Любовницы часто становились его натурщицами. Анна Ахматова не стала исключением.

Он рисовал ее увлеченно. Египетская царевна, танцовщица с тяжелыми африканскими бусинами на шее, которые едва прикрывают грудь, – такой осталась Ахматова на картинах Модильяни.

Они разошлись без ссор и скандалов и больше никогда не виделись. Но Аня помнила его всю жизнь. Она всегда искала сложные, драматические, даже тупиковые отношения, которые, как правило, не могли окончиться ничем хорошим, и этими отношениями питала себя, свою поэзию.

Как говорится:

***Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.***

Она вернулась в Петербург другой. Уверенной в своем успехе.

В петербургском кафе «Бродячая собака» собирался весь литературный бомонд. Она бывала здесь десятки раз, как жена известного поэта Николая Гумилева. Но один из вечеров стал для нее особенным.

Именно тогда Ахматова впервые прочитала свои стихи на публике.

Никто в зале не понял, что произошло. Эта женщина обладала магической властью над людьми. И вправду – колдунья!

С бурными аплодисментами жизнь никому не известной жены Николая Гумилева изменилась навсегда. Теперь именно она стала звездой литературного Петербурга. У нее появились пылкие поклонники. Теперь ее уже не называли женой Гумилева. Наоборот, о ней стали говорить: муж той самой Ахматовой.

Николай пытался привязать ее к себе, вернуть. Но тщетно. Анна расправила крылья и набирала высоту. Не помогло даже рождение сына Льва. Гумилев надеялся, что появление ребенка все изменит, что Анна почувствует себя матерью и успокоится. Но она рассудила иначе: сын не заставит ее отказаться от поэзии. А еще она не хотела отказываться от признания, к которому стремилась с детства.

Тридцать лет спустя Ахматова напишет: *«Ты сын и ужас мой»*. Всю жизнь этот мальчик будет страдать из-за своих родителей. Он проведет 13 лет в лагерях и заключении только из-за фамилии Гумилев. Впоследствии он не без иронии писал о себе: *«Первую половину жизни я сидел за папу, вторую половину – за маму»*. А в детстве он больше всего будет ждать нечастых приездов матери, потому что Ахматова сделала свой выбор: не материнство, а поэзия. И отдала малыша свекрови.

Когда мальчика отвезли к матери Гумилева в Бежецк, Ахматова вернулась к прежней жизни. Но отношения с мужем больше напоминали военные действия.

В конце концов Гумилев устал.. У него появились женщины, дававшие ему то, чего он не имел дома – любовь и уважение, преклонение перед его талантом.

Именно тогда Ахматова написала знаменитые строки:

***Муж стегал меня узорчатым
Вдвое сложенным ремнем.***

В Петербурге все решили: Николай Гумилев – садист. Позже он написал: *«Мне было не очень-то приятно гулять по Петербургу таким ветвисторогим оленем. А после этих строк я прослыл еще и садистом. Обо мне прошел слух, что я, надев фрак, хлещу узорчатым, вдвое сложенным ремнем не только свою жену Ахматову, но и своих молодых поклонниц, предварительно раздев их донага»*.

От этих отношений его спасла Первая Мировая война. Он записался добровольцем и ушел на фронт одним из первых. Анна и тогда не отдала ему свой перстень-оберег, чтобы защитить от смерти.

Анна была уверена, что стихи ей диктует кто-то свыше. И когда в 1915 году записала строки нового стихотворения, содрогнулась. Это было стихотворение-пророчество «Молитва».

***Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар.***

Все это сбудется – каждая строка. Но тогда напуганная Анна решила: она должна все изменить, отдалить близких людей, никогда не видеться с ними. От отчаяния ее спас мужчина ее мечты – художник Борис Анреп.

Борис Васильевич Анреп был человеком идеальным для Ахматовой. Он был похож на отца Анны Андреевны – Андрея Антоновича. А она всегда искала в мужчинах образ своего отца. Очень высокий, очень сильный, плотный и такой же ловелас.

Именно ему Ахматова посвятила рекордное количество своих стихов – около со- рока. Хотя роман их длился всего несколько дней. Это был самый пылкий и самый ко- роткий роман в жизни Ахматовой. Семь дней любви и вечная разлука.

Так она напишет в воспоминаниях. Он был женат, она замужем. Он хотел эмиг- рировать. Она осталась в России. Но перед его отъездом Анна неожиданно сняла с пальца кольцо, свой оберег. И пообещала: *«Оно защитит тебя»*. С утратой кольца вся ее жизнь изменилась. Ахматова верила – он вернется. Три года ждала от него письма. И постепенно поняла: ее, великую, царственную, – впервые бросил мужчина.

Николай Гумилев не был дома почти четыре года. Война изменила его. Он пе- режил кошмары, видел смерть, был ранен и понял, как сильно хочет жить. Анна встретила его холодно. Она больше не хотела врать. И сообщила сразу: любит дру- гого и выходит за него замуж. Этим другим был историк Владимир Шилейко. Когда она объявила об этом Гумилеву, он побледнел, однако совладал с собой и ответил: *«Ну, что ж: раз ты решила, значит, мы должны расстаться»*.

На этот раз поэт потерял ее навсегда.

Литературный Петербург был потрясен. Что знаменитая поэтесса нашла в не- приветливом, замкнутом Шилейко? Но именно эти черты и привлекли Анну. Ее все- гда тянуло к людям, которые ее подавляли. Комплекс Антигоны...

Он называл ее Акумой. В переводе с японского – «нечистой силой». Был рез- ким, насмешливым. После женитьбы жестко заявил: *«Я не понимаю и не люблю твои стихи»*. Анна терпела эти издевательства молча. Писала под диктовку его статьи, го- товила для него, колола дрова. Он запрещал ей писать стихи. Ахматова этому под- чинялась до поры до времени. Вырваться из этого круга Анне помогла трагедия. Она неожиданно узнала – ее пророчество сбылось: Николая Гумилева расстреляли.

Поэта Николая Гумилева обвинили в заговоре и подготовке вооруженного пе- реворота. Только потом, когда рассекретили документы, стало известно: поэт Гуми- лев казнен за то, что не сообщил органам о предложении участвовать в заговоре, от которого он категорически отказался. Его расстреляли, как преступника, а вместе с ним и тот мир, в котором жила Ахматова.

После расстрела Гумилева Анна словно проснулась. Она бросила Шилейко и начала тщательно собирать работы Гумилева, публиковать его стихи, записывать вос- поминания. Живой он был ей не нужен, перед мертвым она благоговела.

Тем временем по стране прокатились новые аресты, под репрессии попали луч- шие поэты, ее друзья, и она понимала – это только начало. В то же время Ахматова впервые почувствовала: как это – быть нежеланным поэтом. Партия объявила же- сткое предупреждение гражданке Ахматовой. А потом ей устроили литературный бой- кот на целых 15 лет. Ее сборники не печатали. От одиночества и голода ее спас третий брак с искусствоведом Николаем Пуниным.

Ради Анны Пунин развелся с женой. Но жизнь заставила их делить одну квар- тиру. Ту самую в Фонтанном доме. В одной комнате жили Ахматова с мужем, в дру- гой – его бывшая жена и дочь. Причем комнаты были проходными!

Постепенно эта жизнь превратилась в кошмар. И именно в это время Анна по- лучала горькие письма от сына и свекрови. Леву исключили из школы, потому что его отец – предатель, враг народа. Она уговорила мужа поселить Леву, имевшего опас- ное клеймо сына врага народа, в той же квартире. Квартира была наполнена людьми, и Лева жил в маленьком уголочке в конце коридора, огороженном цветастой занавеской. (Честно говоря, у меня в голове не укладывалось, как в таком малюсеньком закутке может жить человек, тем более подрастающий, которому нужен простор.) Ситуация была не из легких. Отца, Николая Степановича, уже не было, у Николая Николаевича Пунина был тяжелый характер. Отчим даже не пытался наладить отно- шения с подростком. Он сразу дал ему понять: Лева – бездельник, зря проедающий чужие деньги. Это унижение Лев Гумилев запомнил на всю жизнь.

«Жить мне, надо сказать, было довольно скверно, потому что ночевал я в коридоре на сундуках. Коридор не отапливался, был холодный. А мама уделяла мне внимание только для того, чтобы заниматься французским языком», – писал Лев Гумилев впоследствии.

В 18 лет сын Ахматовой попытался поступить в Ленинградский государственный университет, но его даже не допустили к экзаменам. Парень не мог ничего сделать. В университете Гумилеву четко дали понять: у него неправильная фамилия...

Лева пытался искать поддержки у матери. Но единственное, что могла сделать Ахматова, – это ввести его в круг своих друзей, тех немногих, которые не попали под жернова репрессии. Они дали парню странный, но спасительный совет: *«Хочешь учиться – иди, трудись. Сын интеллигентов должен стать рабочим».*

Он стал рабочим трамвайного депо. Настоящий пролетарий: укладывал рельсы и интересовался партийной жизнью. А вечером возвращался домой, где вместе с мамой переводил Шекспира. Три года такой двойной жизни, и Гумилев наконец-то поступил в университет.

Он заработал свое право на учение тяжелым трудом. Но не учел одного: в НКВД в те времена существовал план по уничтожению врагов народа. Студент Лев Гумилев еще не успел окончить первый курс, когда за ним пришли ночью. Вместе с ним забрали и отчима, Николая Пунина, за неосторожное высказывание о Сталине.

Ахматова осталась одна. И тогда гордая ведьма, Акума, богиня, написала ему письмо:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Я решаюсь обратиться к Вам с этим письмом. 23 октября в Ленинграде арестован мой муж, Николай Николаевич Пунин, и мой сын, Лев Николаевич Гумилев. Иосиф Виссарионович, я не знаю, в чем их обвиняют, но даю Вам честное слово, что они не фашисты, не шпионы, не участники контрреволюционных обществ. Я прошу Вас, Иосиф Виссарионович, вернуть мне мужа и сына, уверенная, что никто никогда об этом не пожалеет».

Написать это письмо ей помог Михаил Булгаков. Он верил, что Сталин спасет Ахматову, как однажды спас самого Булгакова. И не ошибся.

Таких писем Сталину присылали сотни ежедневно. Но с этим посланием случилось невероятное. Сталин прочитал его и приказал освободить мужа и сына Ахматовой.

Она думала, что все ужасное, что могло с ней случиться, – уже в прошлом, и отныне все должно пойти своим добрым чередом. Но она ошибалась.

Начинался страшный 1938 год. Более двух миллионов невинных людей оказались в тюрьмах. Среди них и сын Ахматовой – Лев Гумилев.

Он получил пять лет лагерей. И на этот раз спасти его мать не смогла.

В 1939 году на ежегодное вручение литературных премий пришел особенный гость – Сталин. Разговаривая с поэтами и писателями, Иосиф Виссарионович неожиданно спросил:

– А где Ахматова? Почему ничего не пишет?

Все испуганно замолчали. Почему он вдруг вспомнил о ней? Милость?..

Уже через год в Ленинграде вышел сборник ее стихов после 15 лет забвения.

Оказалось, Ахматову спасла дочь Сталина Светлана Аллилуева. Она увлекалась опальной поэтессой и упросила отца вернуть ее стихи. Сталин отказать не мог, и сборник опубликовали. С тех пор книгу в партийных кругах так и называли: подарок отца Светлане.

Выход сборника вернул Ахматову к жизни. Ее снова приняли в Союз писателей, выделили льготы. Появились деньги. Но Анна чувствовала зыбкость этого положения и очень тревожилась. Обострилась болезнь детства – хронический туберкулез. Развилась мания преследования. Ей казалось, что все вокруг шпионят и доносят на нее, что ее поклонники – агенты НКВД.

И все-таки даже такой она оставалась царственной. Такой ее застала война. Такой ее увидел человек, который спас ее от голодной смерти.

В 1941 году во время первой же бомбежки в Ленинграде сгорел огромный склад продуктов. В осажденном городе начался страшный голод. Большую, истощенную Ахматову спас врач Владимир Гаршин. Кормил с ложечки, уговаривал: нужно жить, нужно писать. Гаршин успел отдать распоряжение: вывезти поэтессу в эвакуацию, в Ташкент. А сам остался в блокаде. Но Ахматова не забыла о нем. Все годы войны они переписывались, и в конце концов Владимир Гаршин сделал ей предложение. Им тогда было за 50.

Но когда Анна вернулась в Ленинград, Гаршин сказал ей: «Нам нельзя быть вместе. Мне приснился плохой сон». Ахматова этого не простила.

***Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.***

Снова одинокая. Но, слава Богу, вернулся сын. Он отсидел свой срок и пошел на фронт. Попал в штрафбат. Шансов выжить было немного.

Но он выжил. И вернулся героем. Жизнь начиналась сначала.

Теперь Лев наконец-то защитил диссертацию и стал кандидатом исторических наук. В этот период он редко виделся с матерью. Она снова признанная, популярная поэтесса. Ее выступления собирают полные залы, ею зачитываются. И тут, словно на радостях (или не замечая ничего от радости), она совершила страшную ошибку, за которую вновь расплатился ее сын.

«Вторую половину жизни я сидел за маму»...

Ахматова приняла у себя знаменитого публициста, посла Великобритании Исайю Берлина. В частной беседе она рассказала ему о терроре, репрессиях, расстреле мужа, арестах сына. Она просто жаловалась как доброму другу. А Берлин опубликовал этот разговор за границей как интервью. И Ахматовой этого не простили.

В 1946 году газеты напечатали знаменитое постановление ЦК, в тексте которого говорилось: *«Ахматова – поэт мертвых идеалов, мелкая буржуазная писака, то ли блудница, то ли монашка, которая тоскует по буржуазным отношениям и не несет просвещение в народ».*

Это означало одно: поэтессы Анны Ахматовой больше не существует.

Но это было еще не самое страшное. За ошибку матери расплатился кандидат исторических наук и перспективный ученый Лев Гумилев. Он получил 10 лет лагерей.

Это был страшный удар и для него, и для Анны Андреевны, которая лежала несколько часов без сознания, а потом сожгла почти весь свой архив, сказав: *«Пусть горят стихи, раз они приносят столько зла людям, столько зла моему сыну».*

Она попыталась спасти его. Снова обивала пороги кабинетов и унижалась. Но ей отказали. А сын навсегда отказался общаться с нею. И это было для нее страшнее репрессий...

Так прошло 10 лет. Освобождение им – Анне и сыну – принесла смерть Сталина. После нее Ахматова снова стала уважаемой и признанной поэтессой, а ее сын – выдающимся историком.

Ее номинировали на Нобелевскую премию, вручили диплом доктора Оксфордского университета, литературные премии. Ахматова вернула себе все, кроме прощения сына.

Она умерла одинокой, в санатории под Москвой. Это случилось 5 марта 1966 года, в 13-ю годовщину со дня смерти Сталина.

В тот день больницу посетил ее сын. Он приехал проведать мать, но не увидел ее. Врачи запретили ему беспокоить Ахматову. Спустя несколько часов ее не стало.

Сын всю оставшуюся жизнь жалел, что не увиделся с ней, не отпустил обиду. Он сам устроил похороны. Денег едва хватило на простой гроб и деревянный крест с табличкой вместо надгробия... Лев Гумилев вместе со своими студентами построил памятник матери самостоятельно, собрав камни, где смог, и выложив стену, как символ тюрьмы «Кресты», около которой стояла его мать с передачами сыну. Первоначально в стене была ниша, похожая на тюремное окно, в дальнейшем эту «амбразуру» закрыли барельефом с портретом поэтессы.

*Я друзьям своим сказала:
«Горя много, счастья мало», –
И ушла, закрыв лицо;
Потеряла я кольцо.*

Она предвидела смерти каждого из близких людей. Ей было суждено пережить всех, кто любил ее, и умереть в одиночестве. И обессмертить себя в стихах. И остаться невидимой колыхающейся тенью в Фонтанном доме, в море, под названием «Былое»...

Примечание: При написании эссе использовались воспоминания об Ахматовой, материалы из интернета об Анне Ахматовой и ее сыне, Льве Гумилеве, книга К.Чуковского «Современники» и больше всего – собственные записи о большой экскурсии в Фонтанном доме в Петербурге, где с 1924 года проживала Анна Андреевна.

Ассоциации

Большая стрелка нехотя переползла на цифру 12. Вслед за ней маленькая так же лениво остановилась на цифре 2. Внутри желтого циферблата что-то заурчало, вздохнуло и сипло гаркнуло два раза. Старые часы с римским циферблатом возвести миру о двух часах дня.

Тишина была благостная. Впервые за долгие месяцы удалось вдохнуть ее полной грудью. Господи, неужели это еще возможно и ненаказуемо – вот так стоять бо-сиком на прохладных половицах и блаженно вдыхать тишину?.. Просто вбирать в себя этот мир и наслаждаться каждым мгновением? Ни о чем не заботясь, ни о чем не печалась?..

Нет, ну, конечно, это должно было случиться. Где это видано – долгоиграющее блаженство?.. Вначале тишину последовательно пронзили хрип, хлюп и шип, а вслед за ними, словно как из тумана, донеслось до боли знакомое:

*Куда, ку-уда, ку-у-у да-а-а вы уда-аились
Весны моей зла-а-атые дни-и?..*

Сомнений быть не могло. Этот сладкозвучный голос принадлежал только одному человеку в мире – Сергею Лемешеву.

Нет, я люблю оперу, и арии в исполнении Лемешева тоже. Но сейчас мне больше всего хотелось слушать тишину. Но что поделать – в доме напротив живет студентка консерватории, и время от времени воздух сотрясается то сонатами Бетховена, то руладами Шуберта, а теперь, видно, и до Чайковского дело дошло. Ладно, Ленский, так Ленский, пусть даже в такой хлюпающей, шипящей и хрипящей записи. Все равно, голос божественный. Мозг тихонько возвращается из блаженного бездумья в мир звуков, красок, страстей, волнений и мыслей. Пока еще зыбко и лениво создает связи, проводит аналогии. И в сознании сначала осторожно, а потом все на-

стойчивее возникает ассоциация: Лемешев и человек, преклонявшийся перед его талантом. Человек, из окон дачи которого чаще всего звучал голос Лемешева. Человек, написавший о певце прекрасное эссе. Писатель Юрий Нагибин.

Стоп! Мозг окончательно проснулся и включил все тумблеры! Лемешев и тишина сейчас побоку! Память, фантазия, знания устремлены к человеку, чьей литой сдержанной прозой я была очарована много лет назад. Юрий Маркович Нагибин – герой нынешнего эссе.

Его называли мастодонтом и бизнесменом от литературы, но за всю жизнь он не получил ни одной литературной награды. Фильмы по его сценариям были любимы народом, а он относился к этой работе презрительно и даже как-то брезгливо. Так откровенно и писал об этом в дневниках.

Он был одним из самых состоятельных людей в СССР, но при этом ухитрился даже не вступить в партию. Он писал изысканно и точно, но вел себя порою, как последний хулиган. Если что, мог и по морде заехать, и крепких слов не чурался.

Писатель, признанный при жизни классиком. Светский лев и завсегдатай московских ресторанов. Казалось, он идет по жизни, как таран, ничего не замечая, ничего не боясь. И даже самые близкие друзья не подозревали, что было на самом деле у него на душе. И какие горькие до боли и порой постыдные тайны хранит его дневник – исповедь писателя, которую он тщательно скрывал от посторонних глаз.

День был холодным и солнечным. Лопата легко резала податливую глину. Нагибин утрамбовал ногами землю. Ни одна живая душа не должна знать, что спрятано в металлическом ящике в укромном уголке писательской дачи.

Но еще не раз он будет откапывать эту жестяную коробку, перепечатывать страницы хранящейся в ней рукописи, тронутой плесенью, и снова зарывать в землю труд, который впоследствии назовут вершиной его таланта – мучительной исповедью, диалогом с самим собой и с властью, которая обладала его, и которую он люто ненавидел. Бывают такие парадоксы...

Выживать, то есть вести себя, как надо, Нагибин умел. Он никогда не был диссидентом, не готов был добровольно принять этот крест. Но так же не мог и простить власти то, что отнял у него отца.

Отчима Юрия Нагибина звали Марк Левенталь. Настоящий отец будущего прозаика Кирилл Александрович Нагибин погиб в 1920 году незадолго до рождения сына. Но именно отчиму, которому, как писал Нагибин, *«я обязан очень многим»*, и была посвящена рукопись, закопанная в укромном уголке дачного участка. Юрий получил отчество Маркович и всегда с теплотой вспоминал об отчине. Марка Левенталья в 1937 году арестовали, долго держали в тюрьме, а затем сослали. С семьей он больше не встретился, умер в ссылке в 1952 году.

Юрий Нагибин с отличием окончил школу и сразу же поступил на сценарный факультет ВГИКа. Со стороны казалось: щеголь, бонвиван, московский озорной гуляка. Человек, облаканный властью и судьбой и никаких проблем не знающий. Нагибин делал все, чтобы это мнение поддержать.

В дневниках он как-то написал про себя: *«Размашистая же сволочь такая!»* И за границу любил, и ездил, и книги хорошие, и дом у него был лучше всех писательских домов. Любил и гульнуть, причем делал это со знанием дела. И охоту любил до самозабвения. И футбол! Одним словом, жизнелюб, пивший жизнь полными горстями!

Первый по-настоящему взрослый рассказ Нагибин написал в 1940 году. Отчим (это был уже третий брак матери), литератор Яков Рыкачев отнес произведение папы в «Новый мир». Рассказ приняли, сказали, что все замечательно, и пригласили Рыкачева подписать верстку, как положено. И попросили исправить одну опечатку, мол, фамилия другая. Рыкачев на это гордо заметил, что ничего исправлять не будет,

все правильно: «*Это мой пасынок написал!*» И рассказ напечатали под фамилией Юрий Нагибин. Начался путь в литературу.

Он не мог в прямом смысле слова прожить ни дня без строчки. Когда ему вдруг не о чем было писать, он писал рассказ, который потом назвал «Немота». О том, что ему не о чем писать.

Ему от Бога было дано потрясающее чувство русского языка. Легкое, музыкальное, но в то же время и степенное, величественное. Завораживающее каждой строчкой.

Первый писательский опыт был настолько хорош, что 20-летнего студента сценарного факультета ВГИКа приняли в Союз писателей. В том же году он женился на дочери профессора Литературного института Марии Асмус. Красавица, окруженная толпой небедных и влиятельных поклонников, почему-то выбрала его – тощего, почти нищего мальчишку с неясными планами на жизнь. Но рядом с ним все остальные меркли. Он был очень галантен, обольстителен и, что немаловажно, – очень хороший рассказчик. Он умел увлечь разговором, чувствовать его нерв и ритм, а это редкий дар. Настоящий златоуст. Когда он говорил, его *«слова лились потоком, как золотой дождь, и каждое слово было невероятно точно и прекрасно»*. (В.Токарева)

Год спустя началась война. Молодой писатель Нагибин пришел в райвоенкомат добровольцем и вскоре оказался на Волховском фронте.

Он вернулся домой в 1943-м после сильнейшей контузии. И тут выяснилось, что жена, любимая его Маша, не очень-то этому и рада. Не осталось ни всепоглощающей любви, ни даже сострадания. Она сухо предложила развестись. Мир распался на глазах. И как вновь собрать его, было неясно.

Но надо было продолжать жить. Нагибин устроился в газету «Труд» обычным репортером. И вскоре снова женился. Второй супругой писателя стала дочь Ивана Лихачева, легендарного директора автомобильного завода, человека, входившего в ближайшее окружение Сталина.

Пять лет Нагибин фактически жил в условиях победившего коммунизма. В этой семье было принято с размахом есть, безудержно пить и веселиться.

Через пять лет Нагибин вдруг развелся. Чуть ли не сбежал. Причина столь решительного поступка стала понятна много лет спустя, когда вышла повесть «Моя золотая теща». Оказалось, что молодой писатель все это время не слишком-то много времени уделял жене, зато целенаправленно и настойчиво искал близости с ее матерью и в конце концов нашел. Об этом ненароком узнал всесильный тесть. В общем, писатель еще легко отделался...

Поступок более чем безнравственный и омерзительный. Ну, неприлично, мягко говоря, приставать к теще, и тем более неприлично выносить это на страницы художественного произведения. Нагибин сделал и то, и другое. Да, уж... Орлам случается и ниже кур спускаться...

Но ведь и «курам никогда до облак не подняться...».

Скоропалительные свадьбы и поспешные разводы. Нагибин будто мчался куда-то, проживая несколько жизней, и Бог знает, в какой он был настоящим. Скорее всего, в той, которую он тщательно прятал от чужих глаз – в жизни на страницах дневника-исповеди.

Он вскоре снова женится. И опять разводится. Снова идет в загс и снова неудачно. Впрочем, сердечная кутерьма никак не мешала, а может, и помогала творческому росту. Любовные приключения и переживания давали богатый материал для рассказов и повестей. Литературная карьера Нагибина стремительно шла в гору, а о его работоспособности и вовсе ходили легенды. Была даже поговорка: «Работает, как Нагибин».

Произведения его были так изысканны и хороши, что власть смотрела сквозь пальцы на его беспартийность. Окружающие считали это еще одним проявлением

везучести. А он был уверен: все дело в чутье, как человеческом, так и писательском. Он был бесстрашен, но при этом очень осторожен и внимателен. Любил подразнить судьбу, но старался удержаться на грани.

У него была цель: попытаться каким-то чудом спасти отчима – Марка Левенталья. Нагибин навещал его раз в два-три месяца, прикрываясь удостоверением газеты «Труд». Разумеется, те, кому положено, об этом знали, но помалкивали. И сам писатель об этом молчал. А потом что-то как будто надломилось. Марк Левенталь попал в больницу. Но Нагибин не приехал, не смог заставить себя. Бог его знает, почему...

«Утром пришла телеграмма: «Ваш отец умер сегодня ночью. ...Если бы я поехал, если бы он знал, что я его люблю, какие-то неведомые силы удержали бы его в жизни... Я его предал. Он это почувствовал – и отказался от жизни. И в этом смысле мое второе предательство – то, что я не поехал его хоронить, – уже не имеет значения» (из дневника Ю.Нагибина).

Через год после смерти Марка Левенталья Нагибин написал повесть – покаяние сына, которого власть заставила предать отца. В повести были боль и ярость против бесчеловечной системы и горечь безысходности.

Но, может быть, корень зла был не во власти, а в нем самом?.. Молодом, энергичном, ярком и тщеславном...

Нагибин отнес рукопись повести в журнал «Знамя». Старший редактор отдела прозы, друг Марка Левенталья прочитал ее и вернул со словами: *«Больше никому не показывай. Сожги и забудь»*.

Но уничтожить свой труд, свою боль писатель не мог. Тогда и появились в его жизни жестяной ящик и небольшой холмик в углу дачного участка.

А жизнь тем временем шла своим чередом. В 1959 году Нагибин встречается с Беллой Ахмадулиной. Ей 22, она уже побывала замужем за Евгением Евтушенко и рассталась с ним. Ее только что отчислили из Литинститута за проваленный экзамен по марксизму-ленинизму. Хотя истинная причина была в другом. Юная поэтесса, уже ставшая звездой, отказалась участвовать в травле Бориса Пастернака.

«Она обрушилась на меня как судьба. Было то, что я понял лишь потом, – стремительно и неудержимо надвигающийся мир другого человека, и я был так же беспомощен перед этим миром, как обитатели Курильского островка перед десятиметровой волной, слизнувшей их вместе с островком» (из дневника Ю.Нагибина).

Нагибину было под сорок. И он так же, как и прежде, был внешне предельно лоялен к власти. Но любовь между этими двумя, столь различными по духу и душевной организации людьми вспыхнула мгновенно.

Белла не была красавицей, но была необыкновенно утонченной, словно статуэтка из дорогого фарфора. А еще и манера говорить – голос, словно серебряная дочка, навевавшая сны о неведомых мирах и очарованных даях.

Нагибин в то время тоже производил на всех ошеломляющее впечатление. Сейчас это называют харизмой... Раньше – более милым словом «обаяние». Непокколебимая, невозмутимая уверенность в себе в сочетании с львиной мужской притягательностью. Стареющий лев. Это определение более всего подходило ему. Он мог позволить себе выбирать. И выбрал – взбалмошную, экзальтированную, но очень талантливую девочку с татарским разрезом горящих глаз.

Безупречным казался этот союз. Нагибин помог жене написать два киносценария по его новеллам – «Стюардессу» и «Чистые пруды». Причем сделал это так, чтобы она имела возможность прочитать за кадром свои стихи.

В кинематографе Нагибин чувствовал себя, как рыба в воде. В конце 50-х один за другим вышли фильмы, снятые по его рассказам и сценариям – «Трудное счастье», «Самый медленный поезд» и «Ночной гость» с неподражаемым И.Смоктуновским в главной роли.

Такая удачливость еще сильнее раздражала завистников. Пока другие или диссидентствовали, ведя на кухне запрещенные разговоры против власти, или, наоборот, смирялись, он каким-то чудесным образом умудрялся быть в фаворе, не особо скрывая своих потаенных мыслей. И при этом греб деньги не просто лопатой, а ковшем экскаватора.

«Председатель» – легендарный фильм по его сценарию. Но посмотрели его «люди сверху» и возмутились, мол, что это такое, это клевета на действительность. Сценариста публично обвинили в том, что он оболгал и очернил образ колхозника.

Нагибин нервничал. Он понимал: власть, которая дала ему все, может все и отнять. Например, закрыть ему дверь в кинематограф. А это пробило бы серьезную брешь в доходах.

Нагибина склоняли и в прессе, и на заседаниях СП. Напряжение нарастало. В какой-то момент сердце не выдержало. Инфаркт.

Он справился. Нагибин вышел из больницы в тот момент, когда «Председатель» с неподражаемым М.Ульяновым уже триумфально шествовал по экранам. Зрительные залы были неизменно переполнены, и критики вынуждены были замолчать.

А дальше – шаг вперед. Мировой кинематографический уровень. В «Красной палатке» снимаются Клаудиа Кардинале и Шон Коннери. Фильм «Девочка и эхо» получает призы на фестивале в Локарно и Каннах. «Бабье царство» (да, тот самый, где сыграла великолепная Римма Маркова) – специальный диплом на фестивале в Сан-Себастьяне. И вершина: «Дерсу Узала» Акиро Куросавы по сценарию Ю.Нагибина становится лауреатом «Оскара».

И тут, когда удача не просто вновь улыбалась ему, а была словно в зените своей солнечной улыбки, в писателя будто вселился неудержимый бес. Ежедневные застолья становятся многодневными. Алкоголь льется рекой. Не щадил ни себя, ни официантов – они просто не успевали подносить горячительные напитки.

Возвышенный и утонченный брак с Беллой становится жалкой пародией на семейную жизнь. Они сразу договорились, что их союз будет, так сказать, свободным, то, что метко называют *«высоки-ие отношения!»* Но даже для них есть какой-то предел, какое-то табу.... И это табу было нарушено.

«Если сходятся люди, которые любят друг друга, то у них все должно быть на жизнь и смерть, и нет такой вещи, которой нельзя было бы простить. Я чувствовал ее как часть самого себя, вернее, как продолжение себя. Совершенно естественно, что это продолжение должно быть наделено всеми моими отвратительными качествами: распутством, склонностью к пьянству, особой бытовой лживостью при какой-то глубинной правдивости природы, неумением быть счастливым» (из дневника Ю.Нагибина).

Нагибин был на грани срыва, и друзья страшились за него. Даже Василий Шукшин, не отличавшийся робостью характера, попадает под нагибинскую горячую руку.

В творчестве тоже все было беспорядочно. Вслед за мытарствами фильма «Председатель» начались новые мучения с фильмом «Директор».

Нагибин писал сценарий к этому фильму, взяв за основу свою жизнь в семье главного строителя автомобилей – Ивана Лихачева. По мнению кинематографистов, образ Лихачева на экране мог воплотить только один актер – Евгений Урбанский.

Нагибин, чтобы хоть как-то отвлечься от закулисных игр и интриг по поводу фильма, отправился на съемки в Каракумы. Там они встретились с Урбанским и тут же схлестнулись так, что посыпались искры! Неудивительно, они были из одной породы победителей, а двух победителей на одном месте, как известно, быть не может. Каждый доказывал свою бойцовскую харизму или, если угодно, свою *«самость»* любыми способами. Урбанский заявил, что сцену гонок по пустыне он будет играть сам, без каскадеров. Первый дубль сняли неплохо, но режиссер А.Салтыков попросил сделать второй.

Автомобиль взлетел над барханом и перевернулся. Евгений Урбанский скончался от полученных ран по пути в больницу. Молва тут же обвинила в его смерти режиссера с его злосчастной просьбой о втором дубле. Ну и заодно, оказавшегося рядом сценариста.

Нагибин вернулся в Москву, обескураженный, притихший. Он с его чутьем и острым чувством сопричастности к боли ел себя поездом, мучительно корил за трагедию с актером. За то, что не настоял на каскадерах, за то, что спорил с Урбанским на съемках, за то, что вообще поехал в Каракумы.

Московский дом был пуст и неуютен. Белла бывала там теперь редко. Нагибин бежал от тоски пустого дома в рестораны. Они по-прежнему услужливо перед ним открывались, по-прежнему алкоголь лился рекой.

«И водка, и эти мои нынешние дела – явления одного порядка: только бы спрятаться от действительности, от себя. А писать даже мои жалкие рассказы – это иметь дело с жизнью, а значит, и смертью» (из дневника Ю.Нагибина).

В ноябре 1968 года Нагибин и Ахмадулина окончательно расстались. На прощание Белла назвала мужа *«паршивой советской сволочью»* и этим ранила больше, чем супружеской неверностью.

Боли уже не было. Только зияющая черная пустота и усталость. От нее было два лекарства, причем одно – крепкое – уже не помогало. Оставалось второе – работа. Тем более, что она продолжала оплачиваться.

Новую любовь Нагибин встретил в Ленинграде. Алла была переводчиком и была замужем. Они увидели друг друга в каких-то гостях. Перед обаянием стареющего льва-златоуста могли пасть любые бастионы. Не устоял и этот.

Молодая женщина с глазами косули. Нагибин решил, что это его последний шанс. Так и случилось. Цветы охапками, прогулки, долгие беседы. В Ленинград он теперь ездил каждую неделю. А потом Алла перебралась в Москву. До конца своих дней Нагибин прожил с нею.

«10 января Алла переехала окончательно. Два дня у меня такое чувство, будто мое сердце закутали в мех. Помилуй меня Бог» (из дневника Ю.Нагибина).

Нагибин успокоился, остепенился. Но ритм его жизни оставался неизменным. Каждое утро – обязательные четыре страницы текста. Вечером – отдых. Из окон его кабинета по всему писательскому поселку раздавалась изумительная классическая музыка: Рахманинов, Чайковский, Вагнер. И особенно громко – его любимый Лемешев. Жизнь упорядочилась, вошла в колею хлебосольного открытого писателя-барина. Друзья, застолья, разговоры обо всем. Пир души.

Но оставалась еще одна тайна, которую он тщательно хранил в дальнем углу сада в жестяной коробке. И в один из дней он вытащил попорченные плесенью листы рукописи, перепечатал на машинке и уже не стал прятать. Оставил на столе как знак для жены: «Прочти».

«Благодаря отцу я узнал столько всяческой боли, сколько не причинила мне вся моя остальная жизнь. Это единственная основа моего душевного опыта, остальное все дрянь и грубость. Маленькая фигурка за колючей проволокой лагеря... и взгляд мне вслед, взгляд, который я физически чувствовал, даже скрывшись из виду, – это неизмеримо больше того, что способен дать сыну самый лучший отец» (Ю.Нагибин «Встань и иди»).

В самом конце 80-х Нагибин надолго уехал в Италию. Алла осталась дома. Она перепечатала рукопись и отнесла ее главному редактору журнала «Юность» Андрею Дементьеву. На свой страх и риск. Реакция Нагибина была не известна, а в гневе он был страшен.

Но писатель по приезду ругать жену не стал. Он просто позвонил в редакцию «Юности» и узнал, что повесть «Встань и иди» готовится к печати. Она увидела свет в 1989 году.

Все, кто знал Нагибина, были потрясены. Оказывается, этот утонченный сноб и бизнесмен от литературы 30 лет хранил в себе и в жестянке на даче такую боль.

Но это было лишь начало. Другую тайну писателя узнали лишь после его смерти, когда была опубликована повесть «Тьма в конце туннеля». И она тоже была связана с его отцом: настоящим, которого он не знал – Кириллом Нагибиным, и тем, кто стал для него всем – Марком Левенталем.

И самое беспощадное и безжалостное его произведение – «Дневники».

«Что бы я ни делал: писал, пил, развратничал, читал – я все делал на пределе своих сил, все делал страстно. Я не выпивал, а пил мертвую, я блудил каким-то первородным грехом, я работал, как фанатик. Меня всегда надо было удерживать: от работы, от водки, даже от покупки туфель. На каком повороте выронил я лучшее в себе?» (из дневника Ю.Нагибина).

17 июня 1994 года Алла привезла в дом совсем маленького щеночка эрдель-терьера. Нагибин был вне себя от восторга и счастья. Это была его любимая порода. Он играл с щенком, гладил его, ласкал и вдруг заплакал.

– Ты знаешь, я не увижу, как он вырастет, – ответил он на испуганный вопрос жены. Потом помолчал и добавил: – Ни Нобелевская премия, ни богатство, ни литературное признание я не променял бы на годы, прожитые с тобой.

Потом поцеловал ей руку и сказал, что немного поспит перед обедом.

Он ушел во сне. Ему было 74 года. Столько же, сколько его любимому певцу, чью жизнь он своеобразно отзеркалил. Такой же баловень судьбы, такой же сладко-певец-златоуст, те же толпы поклонников, тоже шесть браков и счастье лишь в последнем.

*Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзённый,
Иль мимо пролетит она,
Всё благо: бдения и сна
Приходит час определённый;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!*

Дневники были изданы после смерти и стали вершиной творчества писателя. Он, пивший жизнь полной чашей и знавший горечь ее бессмертного напитка, выразил всего себя в «Дневниках» – такого как есть, без прикрас. Перед собой он был честен и трогательно-беззащитен. И хочется верить (действительно хочется), что день грядущий приготовил Юрию Нагибину не забвение, а долгую память.

Примечание: При написании эссе были использованы произведения Ю.М.Нагибина («Квасник и Буженинова», «Дафнис и Хлоя», «Белая сирень», «Певучий голос Росси» (о С.Лемешеве) и др., отрывки из его выступлений на творческих вечерах, отрывки из его дневников, статья Юрия Кувалдина «Книга, а не человек» (о Нагибине), воспоминания друзей и материалы из интернета. Автор приносит сердечную благодарность за предоставленные материалы.